

А.П. Заостровцев

*к.э.н., н.с., Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург),
Центр исследований модернизации, Европейский университет,
Санкт-Петербург*

«ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ»: 19-Я ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИЗ ЦИКЛА «ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Аннотация. В работе представлен обзор прошедшей 14–15 февраля 2020 г. 19-я ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения» по проблеме «Экономика и социология». Докладчики в рамках общей проблемы «Экономика и социология» сделали упор на исторической социологии и проблемах модернизации. В докладе Д.Травина был развит традиционный взгляд на модернизацию и представлены три модернизационные ловушки в России (крепостничество, сталинская модернизация, авторитаризм). По мнению И.В. Стародубровской, само понятие «модернизация» строго не определено, и каждый исследователь трактует его по-разному. В концепции «множественности модернизации» оно как бы растворяется: любое изменение можно считать модернизацией. Э.Л. Панях видит в государстве силу, противостоящую сегодня модернизационным процессам. А.П. Заостровцев выдвинул идею относительно двух цивилизаций и, соответственно, двух типов модернизации: есть модернизация как адаптация силовой цивилизации (условного Востока) к новым условиям и есть модернизация, как смена силовой цивилизации на правовую (условный Запад) и тогда это – вестернизация. Большой интерес вызвала также дискуссия Ю.В. Кузнецова и Р.И. Капелюшникова о безусловном базовом доходе.

Ключевые слова: модернизация, модернизационная ловушка, цивилизация, развитие, вестернизация, безусловный базовый доход.

JEL: O10, A13, P20, P16, I31.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10209.

Конференция открылась докладом д.и.н., профессора Б.Н. Миронова (Санкт-Петербургский государственный университет) «Имперская и советская модернизация». Он выделил два этапа имперской модернизации: первый – с XVIII в. до 60-х гг. XIX в., второй – с 60-х гг. XIX в. и до 1913 г. Докладчик отметил достижения России в разных областях. Вторые в мире темпы экономического роста, эволюция абсолютизма в правовое государство, повышение благосостояния населения. Советская же модернизация сводилась к материальному прогрессу на основе традиционных институтов. Страна напоминала русскую крестьянскую общину. Ее социальный строй в общих чертах был воспроизведен во всеобщем масштабе. Результаты советской модернизации оказались неоднозначными. Самое слабое место ее – политические отношения. Несмотря на недостатки имперской и советской модернизаций, обе не оказались провальными проектами. Их можно назвать консервативными, поскольку они в большей или меньшей степени опирались на традиционные институты. Они имели значительные достижения, хотя не оправдали всех возлагавшихся на них надежд. Лаг между Россией и развитыми странами сокращался. Авторитарная власть совместима с прогрессом, по крайней мере, на определенных этапах. Модель вла-

сти – это ответ на запросы масс. Целесообразно не ломать институты, а приспособлять их к изменившимся обстоятельствам. Новые институты надо прививать постепенно.

Второй докладчик, – к.э.н. Д.Я. Травин, – научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, выступил с докладом «Ловушки российской модернизации: история и современность». Начал он с определения модернизации и выделил пять ее признаков. Во-первых, это обеспечивающие экономический рост рыночные механизмы; во-вторых, высокая гражданская культура и ее политическая форма – демократия; в-третьих, мобильное во всех смыслах общество; в-четвертых, высокая способность человека к адаптации к переменам; в-пятых, следование рациональным решениям вместо традиций. В число ловушек модернизации в России были включены: крепостное право, сталинская модернизация, современный авторитаризм. Сталинская модернизация строилась на милитаризации экономики, в результате попытка построения рыночной экономики в 90-е гг. XX в. оказалась очень болезненной, и население предпочло искать выход в авторитарной модели. Однако уроки этих ловушек в том, что когда старые модели оказываются неэффективными, от них отказываются. Такая же судьба может ждать и авторитаризм.

В докладе д.э.н., профессора П.М. Лукичева (Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ») «Три неудачные попытки модернизации: невыученные уроки» рассматриваются три попытки экономических преобразований в имперской России и анализируются причины неудач каждой из них. Докладчик объединяет ключевые попытки экономических преобразований в дореволюционной России и выявляет общие причины, приведшие к их незавершенности. Среди них выделяются осуществление реформ «сверху», в приказной форме, отсутствие учета мнения оппонентов и демократизма, прямое государственное регулирование. Сопоставление с историческим опытом других стран показывает, что каждый экономический прорыв, мог быть успешным. «Жесткость» осуществления «столыпинской» реформы компенсировалась в какой-то мере количественным и качественным расширением деятельности российских кооперативов. Когда же и эта ниша была перекрыта, то у населения России не осталось иного выбора, кроме революций 1917 г. Экономические преобразования, не ориентированные на большинство населения, не могут быть устойчивыми и успешными в долгосрочном периоде.

Д.э.н. Р.И. Капелюшников (Институт международных отношений и мировой экономики РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва) говорил о гипнозе Вебера. Доклад был посвящен анализу дискурсивных методов, использованных М. Вебером в «Протестантской этике и духе капитализма». Веберовская экзегеза религиозных текстов является ошибочной как минимум частично и как максимум полностью; утверждение Вебера о намного большей экономической успешности протестантов покоится на арифметической ошибке; его концепция «духа капитализма» содержит неустранимые внутренние противоречия; портрет Б. Франклина, нарисованный в «Протестантской этике», не имеет почти ничего общего с оригиналом; веберовское объяснение сверхбыстрого накопления капитала на родине капитализма в Англии отсылает к реально не существовавшему феномену; результаты современных эмпирических исследований в целом неблагоприятны для веберовского Тезиса. Однако идея Вебера о рождении «духа капитализма» из протестантской этики обладает такой гипнотической властью над умами людей, что фантомы «протестантской этики» и «духа капитализма» еще долго будут тревожить сознание исследователей и разгуливать по страницам массмедиа.

П.А. Ореховский (д.э.н, Институт экономики РАН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва) выбрал темой доклада Стэнфордский тюремный эксперимент, причины его игнорирования экономистами и возможности его интеграции в экономические исследования. Экономисты обычно игнорируют результаты эксперимента в связи с тем, что рыночные сделки совершаются между акторами на основе

консенсуса. Рациональные индивиды не могут договориться о создании такого института, как тюрьма, для этого требуется насилие, обусловленное внеэкономическими причинами. Исключением являются экономисты, придерживающиеся конструктивистских взглядов на формирование рынков. В этом случае допускается неоднородность рынков, которая, в свою очередь, ведет и к неоднородности акторов. В работе приводится пример неоднородности акторов: «фирмы» и «банды». Традиционная экономическая теория не предполагает возможности существования «банд», хотя в социологии это – общепризнанный феномен группового поведения. Делается вывод о том, что учет специфически социологических феноменов в экономической теории позволил бы добиться большей реалистичности конструируемых моделей.

В выступлении к.с.н. Н.В. Колесник (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) «Политическая экономия избирательных компаний в российских регионах» рассматривались методологические и методические основания политэкономии избирательных компаний в российских регионах. Прежде всего обращалось внимание на теоретические основания изучения политэкономии избирательных компаний, в которых постулируется взаимосвязь между экономическими институтами и избирательным процессом. Анализировались исследовательские подходы, в которых предлагался взгляд на электоральные процессы в посткоммунистических странах. Особое внимание уделяется анализу политтехнологической общности в триаде избирательной кампании: ключевых игроков, их интересов и форм взаимодействия. Рассматривался методический потенциал в изучении политтехнологического сообщества как некой профессиональной общности.

Доклад «Много ли человеку образования нужно? (кросс-культурный анализ человеческого капитала российских специалистов)» представленный д.с.н. Ю.В. Латовым и Н.В. Латовой (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва), был посвящен рассмотрению связанных с обучением количественных характеристик человеческого капитала рабочих и специалистов-профессионалов России в сравнении с аналогичными характеристиками соответствующих категорий работников 11-ти зарубежных стран. Обобщающие оценки показали, что наблюдается значительное отставание характеристик человеческого капитала российских работников (базового образования, накопленного опыта и дополнительного профессионального образования) от аналогичных характеристик работников в зарубежных странах. По этим характеристикам Россия оказывается в целом сопоставимой только с «новыми индустриальными» странами (типа Венесуэлы). Сильнее всего отставание проявляется в области обновления профессиональных знаний. Это связано с тем, что Россия еще не вполне включилась в третью образовательную революцию, являющуюся элементом генезиса постиндустриального общества, – переход к «образованию в течение всей жизни».

К.с.н. А.В. Каравай (Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Институт социологии ФНИСЦ) рассматривала общее состояние человеческого капитала российских специалистов. Было установлено, что наиболее ценным человеческим капиталом обладают специалисты высшей квалификации. Он превосходит человеческий капитал руководителей, не говоря уже о человеческом капитале специалистов средней квалификации и всех работающих. Средний интегральный индекс качества человеческого капитала у специалистов высшей квалификации составил 7,51 балла (шкала от 0 до 13), руководителей – 6,23; специалистов средней квалификации – 5,40, а по всем работающим равнялся 4,59.

П.В. Усанов (к.э.н., Европейский университет в Санкт-Петербурге, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург) представил доклад «Эпоха “государства благосостояния” в США: от завершения Второй мировой войны до Рейгана». После Второй мировой войны по ряду причин США оказались в стороне от социализма. Это выразилось в жесткой макроэкономической политике: государственные расходы и госу-

дарственный долг уверенно снижались, внешняя торговля либерализировалась, что вело к росту благосостояния населения. В то время как Великобритания под руководством правительства лейбористов упорно шла к социализму, строила систему социального обеспечения «от колыбели до могилы». Решительный поворот США к государству благосостояния произошел в 60-е гг. XX в., и особая «заслуга» в этом принадлежит президенту Л. Джонсону (1963–1969 гг.). Большой профицит федерального бюджета стал рассматриваться как «фискальный тормоз» экономического роста. В результате наращивание госрасходов привело к бюджетному дефициту и росту госдолга, возросшее предложение денег привело к высокой для США инфляции. Экономический рост замедлился. Рейганомика стала ответом на макроэкономический популизм.

На конференции состоялась дискуссия между к.э.н. Ю.В. Кузнецовым (Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва) и Р.И. Капелюшниковым по проблеме универсального базового дохода (УБД). Основные тезисы выступления Кузнецова состояли в следующем: (1) УБД – не революционное нововведение и не реализация утопии, а всего лишь одна из возможных схем социальных выплат; (2) все разумные и/или обоснованные аргументы в его пользу направлены на рационализацию существующих институтов социального государства; (3) практическая реализация УБД в той или иной стране зависит от большого количества специфических факторов (социальных, политических, экономических и др.), следовательно – постановка абстрактного вопроса о целесообразности или возможности «введения УБД» бессмысленна; (4) политические и социальные препятствия на пути использования УБД для рационализации социального государства весьма значительны, и в полной версии он вряд ли будет когда-либо и где-либо реализован; (5) будущая возможность (частичной) реализации УБД связана с глобальным финансовым кризисом системы социального государства; (6) при исследовании УБД как феномена массового сознания ценность формализованных социологических методов невелика.

Капелюшников свое выступление в дискуссии начал с того, что он называл бы эту концепцию универсальным безусловным базовым доходом (УББД). Если поставить вопрос, идеалы и интересы какой группы отражает этот проект, то ответом будет: идеалы и интересы артистической богемы. УББД – это противоположность традиционным представлениям, как должна функционировать система помощи. Не согласен докладчик также и с тем, что это – некая техническая наладка государства благосостояния. Это – радикальный пересмотр социального контракта. Первая линия защиты УББД – это, как выразился дискуссант, «антропологическая нейтральность» (для его получения человеку не надо менять поведение). Вторая линия – это чудовищная неэффективность системы социального государства. Третья линия касается грядущего вытеснения работников роботами. По мнению докладчика, если первые две линии можно обсуждать, то третья – чистая фантазия. Были перечислены предполагаемые выгоды УББД. Предполагаемые издержки – это очень существенное повышение налогов и, как следствие, подрыв экономического роста; отрицательный распределительный эффект: проигрывают самые бедные и самые богатые, а выигрывает средний класс. В ближайшее время реализация этой идеи невозможна: во-первых, запредельное фискальное бремя. во-вторых, идея УББД идет против «естественной морали» (здоровые и трудоспособные имеют право жить за счет общества, получение пособий самыми богатыми).

К.с.н. М.Г. Мацкевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) рассматривала историческую память на постсоветском пространстве. Было установлено, что в отношении большинства событий и исторических деятелей отсутствуют доминирующие оценки, дифференциация мнений относительно них весьма значительна. Отсутствует единое представление о значимости и сути многих ключевых событий и исторических деятелей истории XX в. Однако гипотеза о статистически значимом

различия в оценке исторических событий между молодежью и старшими поколениями не подтвердилась. Близкая к российской ситуация наблюдается и в большинстве других стран бывшего СССР. События настоящего значительно влияют на восприятие прошлого. Например, изменение отношения к советскому прошлому в Грузии после 2008 г. и Украине после 2014 г.

И.В. Стародубровская (к.э.н., Институт экономической политики им. Е.Гайдара, Москва) поставила дискуссионную проблему «Знаем ли мы, что такое модернизация?». Наиболее часто звучащее определение модернизации – это переход от традиционного общества к современному. Тем самым один не очень понятный иероглиф заменяется на два не очень понятных иероглифа. Не существует общепризнанного понимания того, что такое традиционное общество и что такое современное общество. Менялись представления о том, что такое традиционное общество (вплоть до отрицания самого понятия), да и с современным обществом не легче. Экстремальный пример: ИГИЛ (запрещенный в РФ) – это какое общество? Послевоенная теория модернизации была политизированной: ее задача была не в том, чтобы изучить общество или разработать теорию, а в том, чтобы выписать рецепт. Дать альтернативу коммунистической перспективе для развивающихся стран. На современном этапе доминирует теория множественности модернизации: нет единой модели, каждое общество принимает модерн на собственных условиях. Но возникает одна проблема: в этой ситуации практически невозможно отделить модерн от не-модерна.

Э.Л. Панеях (к.с.н, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург) говорила о динамической плотности и стратегии сопротивления модернизационным процессам. Докладчиком раскрыт конфликт государства и развития. Динамическая плотность населения создает негосударственные структуры, вступающие в конкуренцию с государством (бизнес, война, связь, информация, обучение, здравоохранение). Эти структуры потребляют ресурсы, избегают контроля и регулирования и т.п. В ответ государство берет курс на снижение гражданского капитала (регулирование науки и образования, лицензирование блогеров) и на уничтожение или торможение инфраструктуры развития (контроль над интернетом, усложнение банковских платежей, консервативная биополитика и т.д.)

В докладе д.э.н. С.А. Васильева (МЦСЭИ «Леонтьевский Центр») речь шла Китае эпохи Сун. Был поставлен вопрос: «Почему модернизация не произошла в Китае?». Совокупность экономических, социальных и культурных изменений, произошедших в Китае в эпоху Сун, оказывается практически полностью изоморфной изменениям, происходившим в Западной Европе в Новое время, в период, предшествующий началу ускоренного экономического роста (XVI–XVIII вв.). С точки зрения Теории социальных порядков можно сделать вывод о том, что Империя Сун представляла собой зрелое естественное государство, в котором впервые в истории сформировались пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа, а именно: верховенство права для элит, консолидированный контроль над вооруженными силами, а также бессрочное существование общественных и частных организаций. Непосредственной причиной разрыва модернизационных процессов в Китае стали иноземные вторжения XIII и XVII вв., которые привели к изменению политической культуры, подавлению рыночной экономики и деволуции социальных институтов. В долгосрочной же перспективе основным препятствием для возвращения Китая на путь модернизации была мальтузианская модель экономического развития, в которой высокие темпы естественного прироста населения препятствовали повышению жизненного уровня и внедрению технологических и социальных инноваций.

К.э.н. Заостровцев А.П. (МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», Европейский университет в Санкт-Петербурге) назвал свой доклад «Конфликтующие цивилизации и две модернизации: свободный мир или сообщество общей судьбы?», в котором была представлена модель двух конфликтующих цивилизаций. В правовой цивилизации самопринадлежность чело-

века формирует наличие личной/частной собственности. В силовой цивилизации принадлежность человека «Целому» формирует наличие власти-собственности. Модернизацию можно трактовать как в Китае (Центр исследований модернизации Академии наук Китая), по существу, отождествляя ее с развитием независимо от политико-правовых институтов. В западном же понимании модернизация предполагает повышающуюся степень индивидуальной свободы и расширяющийся спектр выбора (К.Вельцель, Р.Инглхарт). В процессе глобализации эти цивилизации неизбежно вступают в непримиримый конфликт: каждая из систем не может не стремиться к полной ликвидации альтернативной ей системы, поскольку само существование каждой из них представляет угрозу существованию другой.

Доклад С.А. Афонцева (д.э.н., Институт мировой экономики и международных отношений РАН) «Социальные институты или экономическая политика?» Доклад состоял из трех частей. Во-первых, *path dependence* (зависимость от исторического пути или эффект колеи) и как с ней бороться; во-вторых, *structure vs. agency* (структура и действия) или практическая польза теоретических дебатов; в-третьих, евразийская интеграция и каково пространство для инициативы? Практическая польза теоретических дебатов заключается в приложении их к практическим проблемам. Например, поведение домохозяйств (стратегии «выживания» против стратегии максимизации дохода), коллективное действие (экономическая самоорганизация, лоббирование, протест и т.д.), политическое и социальное предпринимательство (кейс Трампа, миф о новом популизме), и, наконец, интеграционный выбор. Согласно рассчитанным данным, сценарий интеграционного рывка может обеспечить выгоды для всех стран ЕАЭС, но их совокупный масштаб на 0,04–0,05 процентных пункта уступает результатам Сценария интеграционного партнерства. Сложившийся баланс интересов оставляет поле для компромисса: обмен доступа к рынкам на либерализацию прямых иностранных инвестиций.

Политолог В.Я. Гельман (кандидат политологических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге) выступил по теме своей последней монографии. Доклад назывался «Недостойное правление» в современной России: институты и стимулы». «Недостойное правление» (*bad governance*) – политико-экономический порядок управления государством, цель которого – извлечение ренты правящими группами и связанными с ним лицами (государством управляют, чтобы расхищать его как можно больше и как можно дольше). В случае России оно складывается из: авторитарной модернизации (стратегии социально-экономических реформ в 1990-е и 2000-е гг.); электоральный авторитаризм, идеал правящих – СССР и т.д. Политолог поставил вопрос: что впереди? Базовый сценарий при сохранении нынешнего политического режима в России: сохранение статус-кво «недостойного правления» и дальнейшее «загнивание». Попытки отдельных частных улучшений (3D: дерегулирование, дигитализация, децентрализация), скорее всего, не принесут кардинальных перемен в отсутствие 4D (демократизация). Демократизация в России – не стоит на повестке дня.

В заключительной части конференции состоялась видеолекция лауреата международной Леонтьевской медали «За вклад в реформирование экономики» за 2019 г. Марата Гуриева, доктора экономических наук, профессора экономики Парижской школы политических наук (*Sciences Po*). Темой лекции была политическая экономия популизма. В докладе предлагался обзор недавних исследований роста популизма в развитых странах. Обсуждались вопросы, связанные с определением и измерением популизма, экономическими и неэкономическими факторами, способствующими его росту, последствиям прихода популистов к власти и мерами, способными ограничить рост популизма.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovstsev

PhD (economics), research fellow in the International Center for Socio-economics Researches "Leontief Center" (St.-Petersburg) and Center of Modernization Studies at European University, St.-Petersburg, Russia.

«ECONOMICS AND SOCIOLOGY»: XIX ANNUAL INTERNATIONAL CONFERENCE FROM THE «LEONTIEV READINGS»

Abstract. The paper presents an overview of the 19th annual conference of the Leontief Readings series on the problem of Economics and Sociology, held on February 14-15, 2020. Within the framework of the general problem "Economics and Sociology", the reporters laid emphasis on historical sociology and the problems of modernization. D. Travin's report developed a traditional view of modernization and presented three modernization traps in Russia (serfdom, Stalinist modernization, authoritarianism). According to I.V. Starodubrovskaya, the very concept of "modernization" is not strictly defined and each researcher interprets it differently. In the concept of "multiplicity of modernization" it seems to dissolve: any change can be considered modernization. E.L. Paneyakh sees in the state as a force opposing modernization processes today. A.P. Zaostrovstsev put forward the idea of two civilizations and, accordingly, two types of modernization: there is modernization as an adaptation of a power civilization (conditional East) to new environment, and there is modernization as a change of power civilization to a legal (conditional West) and then this is westernization. Of great interest was also the discussion of Yu.V. Kuznetsov and R.I. Kapelyushnikov on unconditional basic income.

Key words: *modernization, modernization trap, civilization, development, westernization, unconditional basic income.*

JEL: O10, A13, P20, P16, I31.